

Р. Е. Романов

Формирование мотивации городской молодежи к трудоустройству в сфере промышленного производства Сибири в годы войны (1941–1945)*

В годы Великой Отечественной войны одной из тенденций социально-экономического развития Сибири стало существенное расширение сферы трудового использования молодежи. Оно было вызвано интенсивным поступлением юношей и девушек в ведущие отрасли военной экономики региона. В условиях всеобщего дефицита рабочих рук важнейшим источником комплектования кадрового потенциала промышленности являлись жители крупных городов края в возрасте до 25 лет. Необходимость массового привлечения молодых горожан на заводы и фабрики порождала целый комплекс проблем, связанных с особенностями их адаптации в индустриальном производстве. В отличие от сельской молодежи, многие из них (учащиеся и молодые домохозяйки) до прихода на предприятия еще не были вовлечены в сферы занятости работающего населения. В связи с этим предметом данного исследования является формирование мотивации к трудоустройству у юношей и девушек, поступивших на заводы из городских поселений. В годы войны центральные и местные органы власти, партийные и комсомольские организации стремились задействовать различные моральные и материальные факторы для поощрения трудовой активности неработающей городской молодежи, являвшейся потенциальной рабочей силой. В этот период в процессе стимулирования заинтересованности юношей и девушек в производственной деятельности существенно изменилась роль таких универсальных механизмов развития мотивации к труду, как вознаграждение, побуждение и принуждение¹. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение влияния этих механизмов на аспекты трудового поведения молодых горожан, связанные с их поступлением на работу в военных условиях.

В отечественной историографии полноценное исследование проблемы мотивации населения к труду в годы войны началось лишь в последние полтора десятилетия. До начала 1990-х гг. отдельные аспекты данной тематики рассматривались в русле изучения истории трудового подвига рабочего класса². К основным

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а.

¹ О концепции сочетания трех универсальных способов формирования трудовой мотивации см. *Ван дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 208–212.

² *Солдатенко Е. И.* Трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 1954; *Василенко В. С.* Труд во имя Победы. М., 1959; *Морехина Г. Г.* Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1962; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; *Зинич М. М.* Трудовой подвиг рабочего класса. М., 1984; и др.

стимулам, побуждавшим горожан и колхозников к производственной деятельности, исследователи относили всеобщий патриотический подъем, партийную и комсомольскую пропаганду по мобилизации трудящихся на выпуск продукции для фронта. Данные тенденции советской историографии были характерны также для публикаций, посвященных анализу формирования и развития рабочего класса сибирского тыла¹.

В 1990-е гг. и начале XXI в. кардинальное изменение исследовательских приоритетов в области социальной истории привело к появлению работ, в которых формирование поведенческих мотиваций трудоспособного населения советского тыла рассматривалось в контексте государственной мобилизационной политики², развития системы управления³, индустриального базиса экономики⁴, формирования людского потенциала⁵, массового сознания⁶ в годы войны. Одна группа исследователей (В. Н. Данилов, Н. Д. Козлов, В. Н. Парамонов, В. А. Исупов) полагала, что мотивационными составляющими трудовой активности являлись, прежде всего, вера в преимущества социалистической системы, коллективизм, трудовая аскеза и самоотверженность, патриотизм, а также стремление к удовлетворению элементарных материальных потребностей. Другая группа авторов (П. Н. Кнышевский, М. А. Вылцан, В. Ф. Зима, М. В. Андриенко, Ю. Я. Киришин) считала одним из ведущих факторов формирования мотивации к труду репрессивные механизмы, порождавшие массовый страх перед наказанием.

В первой декаде XXI в. в отечественной историографии наметился интерес к непосредственному изучению проблемы трудовой мотивации населения тыловых районов в годы войны. С. И. Тогоева выявила изменение роли

¹ Васильев Ю. А. Сибирский арсенал. Свердловск, 1965; Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ставрополь, 1967; Докучаев Г. А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; *Он же*. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; *Рабочий класс Сибири* в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984.

² Кнышевский П. Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2; Вылцан М. А. Приказ и проповедь: способы мобилизации трудовых ресурсов // Отечественная история. 1995. № 3.

³ Данилов В. Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996; *Он же*. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002.

⁴ Парамонов В. Н. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999.

⁵ Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.

⁶ Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996; *Он же*. С волей к Победе. Пропаганда и быденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002; Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000; Андриенко М. В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005; Киришин Ю. Я. Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М., 2006.

вознаграждения и наказания в стимулировании производственной деятельности рабочих вагоностроительного завода г. Калинина в 1941–1951 гг.¹ В. А. Сомов исследовал влияние на трудовое поведение жителей Волго-Вятского региона совокупности внеэкономических факторов, в частности законодательства, политического и информационно-идеологического контроля, слухов и информации религиозного содержания, писем с фронта, эмоционального шока, коллективистских ценностей, восприятия образа Сталина².

Таким образом, к настоящему времени многие аспекты трудовой мотивации населения в годы войны получили детальное освещение в отечественной историографии. Тем не менее в рамках данной темы остаются и слабо изученные вопросы. Одним из них является формирование заинтересованности в производственной деятельности у неработающих горожан, в частности подростков и молодых людей, до и в момент их поступления на заводы. В связи с этим целью данного исследования является выявление воздействия универсальных мотивационных механизмов (вознаграждение, побуждение и принуждение) на стремление городской молодежи к трудоустройству на промышленных предприятиях сибирского тыла.

Начавшаяся война, вызвавшая массовый отток рабочих и служащих на фронт, привела к быстрому обновлению заводских коллективов Сибири. Во втором полугодии 1941 – 1943 г. на смену мобилизованным в армию трудящимся на предприятия поступили крупные контингенты неработающего населения, в основном молодежи. Следствием данного процесса стало резкое увеличение прослойки юношей и девушек в ведущих отраслях народного хозяйства региона (с 30–40 до 60–80 %). В первые два с половиной года войны они составляли абсолютное большинство промышленных рабочих края. В 1944 – первом полугодии 1945 г. из-за снижения притока подростков и молодых людей на производство их удельный вес среди трудящихся существенно сократился (до 40–50 %). Тем не менее в это время доля молодежи в сибирской индустрии превышала предвоенные показатели.

Какие же факторы оказали существенное влияние на массовое включение молодых горожан в трудовые коллективы промышленных предприятий Сибири в годы войны? Возвращаясь к проблеме соотношения универсальных составляющих трудовой мотивации, следует отметить, что в данный период кардинально изменилась роль материального вознаграждения в стимулировании экономической активности молодежи. В военных условиях оно продолжало осуществляться прежде всего с помощью денежного поощрения работников предприятий, в котором ключевое место занимала заработная плата. Во второй половине 1941 – 1942 г. средний заработок промышленных рабочих Западной

¹ *Тогоева С. И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. М., 2002. Вып.8. С. 39–56.

² *Сомов В. А.* Потому что была война...: внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 2008.

Сибири составлял 400–500 руб. В 1943 – первой половине 1945 г. он возрос в среднем до 600–700 руб., в основном из-за дополнительных выплат и премий за перевыполнение норм выработки¹. К 1945 г. номинальный размер зарплаты трудящихся региона по сравнению с 1940 г. увеличился на 79%². В данном случае темпы его роста были почти в два раза выше, чем в целом по СССР.

Однако значительное повышение уровня оплаты труда не могло компенсировать социальные издержки военного времени. Быстрый рост цен на продовольственные и промышленные товары привел к снижению реального содержания заработной платы. К апрелю 1942 г. рыночные цены по сравнению с довоенным уровнем увеличились в семь раз, к апрелю 1943 г. – в 15 раз³. В 1943 г. рабочий оборонной промышленности Новосибирска на месячную зарплату (без налоговых отчислений и займов) мог купить на рынке лишь 14 кг картофеля или 1,6 кг говядины⁴. Значительная часть зарплаты, которой не хватало даже на нормальное питание, уходила на уплату военного налога, займов по государственным облигациям, на выплаты в фонд обороны. С 1940 по 1944 г. объем прямых налогов, взимаемых с граждан СССР, вырос в четыре раза, объем займов – в три раза⁵. В связи с этим заработок трудящихся часто превращался в фикцию, подрывавшую материальную заинтересованность молодежи в трудовой деятельности.

Следовательно, в военных условиях рост заработной платы не способствовал массовому привлечению молодых горожан на предприятия сибирского тыла. В то же время фиктивность зарплаты не означала, что материальное вознаграждение полностью утратило значение в формировании мотивации молодежи к труду. В связи с резким снижением общего уровня жизни городского населения, уходом наиболее трудоспособных членов семей на фронт, многие юноши и девушки были вынуждены самостоятельно искать источники пропитания. Этому способствовала политика государства, использовавшего натуральные формы стимулирования экономической активности неработающих горожан. Одной из них являлась система централизованного перераспределения продовольственных ресурсов. Введенная в Сибири с 1 сентября 1941 г. карточная система позволяла дифференцированно распределять продукты питания между четырьмя категориями городского населения: рабочими, служащими, иждивенцами и детьми до 12 лет. Рабочие в зависимости от отраслей народного хозяйства получали в день от 600 до 800 г хлеба. На месяц им

¹ *Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 357.

² *Рабочий класс* Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 135.

³ Там же.

⁴ *Романов Р. Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 160.

⁵ *Мальцев В. А.* Промышленная и бюджетная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // *Военная экономика России в первой половине XX столетия*. М., 2006. С. 165.

выдавалось по 2 кг мяса, 1,5 кг крупы и макарон, по 600 г жиров и сахара¹. Эти нормы снабжения продуктами питания были в полтора-два раза выше уровня продовольственного обеспечения незанятых горожан. Существенная разница в размере продуктовых пайков работников и иждивенцев служила серьезным стимулом для поступления молодежи в промышленное производство. К тому же успешная работа на предприятии позволяла ей рассчитывать на поощрение в виде талонов на промтовары, ремонт обуви, одежды в пошивочных мастерских, что также сочеталось со стремлением юношей и девушек к выживанию в экстремальных условиях городской повседневности сибирского тыла.

Помимо натурального вознаграждения, военная обстановка существенным образом усилила побудительные аспекты трудовой мотивации молодежи, связанные с возникновением специфических моральных факторов ее формирования. Летом 1941 г. большую роль в побуждении подростков и молодых людей к производственной деятельности играла их собственная реакция на начало вооруженной агрессии Германии. В. Л. Соскин, работавший в первый год войны на заводе им. Чкалова, отмечал, что его поступление на предприятие было связано прежде всего с чувством личного долга. «Мобилизации на трудовой фронт не было: каждый решал сам, как ему быть. Для меня этот вопрос не стоял. Да и отец, который до осени писал с фронта, одобрил мое решение, на завод! Естественно, что я выбрал самый в то время знаменитый... завод им. Чкалова»². Данный пример свидетельствует о возникновении в первые месяцы войны у юношей и девушек внутренней мотивации, обуславливавшей их выбор в пользу индустриального труда. Так, из выступления руководителя молодого бригадира завода № 350 Дементьева на II съезде рабочей молодежи Новосибирской области (17–18 июня 1944 г.) становится ясно, что начавшаяся война побудила его пойти на завод, вопреки мечте о поступлении в университет³. Подобные факты отражают характер настроений, обуславливавших трудовое поведение многих молодых горожан Сибири летом – осенью 1941 г. Тем не менее нарастание тягот и лишений в повседневной жизни населения региона вело к постепенному ослаблению влияния такого фактора, как военная обстановка на экономическую активность юношей и девушек. Этому также способствовала большая удаленность края от линии фронта, из-за которой молодежь края не могла в полной мере ощутить смертельное дыхание войны.

В то же время глубокие переживания, вызванные мобилизацией в действующую армию отцов, старших братьев, друзей, определяли стремление многих юношей и девушек к трудовой деятельности и в последующие годы войны. В 1942 г. с томского завода «Манометр» в ряды РККА был призван молодой

¹ Букин С. С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 81.

² Соскин В. Л. Первый год войны глазами подростка // Память о войне: Сб. ст. Новосибирск, 2000. С. 106.

³ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 947. Л. 31.

рабочий С. Пушкарский. После его ухода на фронт 15-летний брат солдата Борис добровольно поступил на предприятие учеником слесаря-сборщика. Получив производственную квалификацию, он стал стахановцем-пятисотником¹. В целом уход близких родственников на фронт в течение всего военного времени подпитывал эмоциональный заряд мотивации городской молодежи Сибири к самостоятельному трудоустройству. В то же время в нем отсутствовала такая составляющая, как негативные эмоции от воздушных бомбардировок, переживаемые молодыми жителями прифронтовых городов².

В начальный период войны влияние настроений юношей и девушек на их побуждение к началу производственной деятельности усиливалось также за счет проведения массовых пропагандистских компаний по привлечению неработающего населения на предприятия. Восьмого декабря 1941 г. Иркутский обком ВЛКСМ принял решение о формировании рабочих кадров промышленности из числа женской молодежи. Набор молодых горожанок на заводы и фабрики осуществлялся путем проведения массовых агитационных мероприятий, способствовавших их ознакомлению с условиями труда, производственными достижениями стахановцев и ударников. Всего в конце 1941 и за первые месяцы 1942 г. на предприятия Иркутска поступили 7 280 девушек³. Их включение в сферу производства в основном обуславливалось личной мотивацией, усиленной партийной и комсомольской пропагандой.

Самостоятельное трудоустройство молодых горожан часто использовалось местными партийными организациями Сибири в качестве фактора, позволявшего мобилизовать на заводы и фабрики более широкие массы молодежи. В июле 1941 г. в Томске на производство поступили 350 студентов индустриального института. К началу учебного года в промышленности трудилась половина студенческого коллектива вуза. Данная инициатива студенческой молодежи была поддержана горкомом ВКП(б). По постановлению пленума Томского партийного комитета от 15 ноября 1941 г., студенты вузов в порядке мобилизации стали направляться на оборонное производство⁴. В данном случае побудительные мотивы трудового поведения молодежи были подхвачены и трансформированы органами местной власти в принудительные.

В военные годы роль принуждения в формировании мотивации неработающей молодежи к производственной деятельности стремительно возросла. Ее увеличение было связано с широким применением практики трудовой мобилизации рабочей силы в ведущие отрасли народного хозяйства тыловых районов страны. Во втором полугодии 1941 г. только на предприятия

¹ Брестовицкая В. Манометровый завод // О людях с чистой совестью. Из истории группы томских заводов. М., 1992. С. 155–156.

² См. Сомов В. А. Потому что была война... С. 149–159.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 52. Л. 10.

⁴ Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. Томск, 1962. С. 93, 94.

Новосибирской области было направлено 127,7 тыс. чел.¹ Основную массу мобилизованного контингента составляли эвакуированные женщины, подростки и молодые люди, не имевшие средств к существованию. В связи с этим большинство из них было заинтересовано в поступлении на заводы и фабрики, которое гарантировало получение места в общежитии, нормированное продовольственное обеспечение. Одновременно многие эвакуанты, пережившие ужасы войны, искренне желали внести трудовой вклад в победу над фашизмом. В данном случае их стремление к получению элементарных материальных благ за работу (вознаграждение) и глубокая ненависть к врагу (побуждение) сочеталось с государственной мобилизационной политикой по формированию кадрового потенциала военной экономики (принуждение).

Однако преобладание среди мобилизованных людских ресурсов женщин и подростков, эвакуированных из прифронтовой полосы в города Сибири, было характерно лишь для второй половины 1941 г. В последующие военные годы объектом призывных компаний в городах края преимущественно являлась местная молодежь, которая в отличие от мигрантов была менее заинтересована в данной форме трудоустройства. В связи с этим существенное влияние на ее трудовое поведение оказывали нормы общесоюзного законодательства, регулировавшего плановый набор рабочей силы на производство. В феврале 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Руководствуясь этим нормативным актом, государственные органы власти проводили трудовую мобилизацию неработающих горожан и колхозников (включая молодежь), нацеленную на централизованное обеспечение народного хозяйства индустриальными кадрами. В частности, подростки и молодые люди 13–18 лет призывались в училища и школы государственных трудовых резервов (гострудрезервов). Основным средством принуждения юношей и девушек к поступлению на предприятия, в ремесленные училища и школы ФЗО являлась угроза уголовного преследования в случае уклонения от мобилизации. Согласно закону лица, стремившиеся избежать призыва на заводы и в учебные заведения трудрезервов, подвергались по приговору суда принудительным работам по месту жительства на срок до одного года². В действительности арестованные «дезертиры» часто получали более суровое наказание в виде тюремного заключения.

В годы войны привлечение неработающего городского населения Сибири в сферу производства по трудовой мобилизации приобрело большие масштабы. С 1942 по 1944 г. в городах региона было призвано более 200 тыс. чел., в частности на предприятия – 137,2 тыс. чел. (66,3 % всего контингента, мобилизованного на заводы), в школы ФЗО – 53,2 тыс. (28,1 % всего контингента,

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 38. Л. 25.

² *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): Сб. док. М., 1968. Т. 3. С. 164.*

призванного в школы ФЗО)¹. Основную массу мобилизованной рабочей силы составляла молодежь до 25 лет, являвшаяся по сравнению с другими категориями незанятых горожан более мобильным трудовым ресурсом.

Несмотря на впечатляющие результаты государственных мобилизационных компаний, их влияние на стремление подростков и молодых людей к производственной деятельности являлось весьма неоднозначным. В ходе проведения призывов юношей и девушек на предприятия и в учебные заведения трудрезервов партийные и комсомольские органы, как правило, стремились завуалировать прямое принуждение к труду с помощью пропагандистских мероприятий. Тридцатого декабря 1941 г. Новосибирский обком партии и облисполком приняли постановление «О подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1942 г.». В соответствии с данным нормативным актом комитеты комсомола при взаимодействии с призывными комиссиями налаживали массовую агитационную работу, стимулировавшую набор городской и сельской молодежи в РУ и школы ФЗО². В начале 1942 г. в ходе кампании по трудовой мобилизации активисты комитета комсомола Дзержинского района Новосибирска провели беседы с родителями подростков и молодых людей об условиях их приема, профессиональной подготовки, материально-бытовом обеспечении в учебных заведениях трудрезервов. В результате вместо 400 чел. по плану в распоряжение школ ФЗО поступили 420, в том числе 300 добровольцев³. Следовательно, гибкое сочетание административных и пропагандистских методов мобилизации позволяло использовать прежде всего побудительные средства формирования у подростков мотивации к освоению рабочих специальностей в ремесленных училищах и школах ФЗО. В перспективе данный подход оказывал положительное влияние на заинтересованность выпускников учебных заведений трудрезервов в производственной деятельности на промышленных предприятиях.

В случаях однозначного применения методов административного регулирования экономической активности неработающего населения призванные на производство юноши и девушки нередко приступали к самостоятельному поиску работы. В феврале 1942 г. в соответствии с мобилизационным планом из Кагановичского, Сталинского и Кировского районов Красноярска предполагалось привлечь в промышленность 5 725 незанятых горожан. К 23 июня 1942 г. райсоветы направили на производство 1 370 чел., из которых к работе приступили 967 чел.⁴ В целом предприятия Красноярска получили лишь около 17 % планового контингента рабочей силы. В то же время из числа потенциальных тружеников от призыва были освобождены 1 940 чел., самостоятельно устроились на заводы и в учреждения – 3 430, покинули место жительства – 529, не явились на предпри-

¹ ГАРФ. Ф. 7507. Оп. 1. Д. 206. Л. 50, 89, 100; Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82.

² *Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. док.* Новосибирск, 2005. С. 222.

³ ГАНУ. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1145. Л. 54.

⁴ ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 710. Л. 37–39.

ятия после получения направления от призывных комиссий – 403 чел.¹ В последующие годы войны данные проблемы также затрудняли централизованное привлечение трудовых ресурсов в промышленность Красноярска. Так, в 1943 г. на завод № 580 было направлено 632 чел., из которых к работе приступили лишь 313. Остальные самовольно поступили на другие предприятия или дезертировали². Следовательно, одной из основных причин срыва призывных кампаний являлось стихийное трудоустройство неработающего населения, подлежащего мобилизации на производство. Его вынужденный характер был обусловлен стремлением многих женщин, подростков и молодых людей избежать как принудительного отправления на работу, так и уголовного наказания за прямое уклонение от нее. В то же время многочисленные случаи переезда в другой городской или пригородный сельский район, а также «дезертирства» свидетельствовали о демотивирующем влиянии мобилизации на трудовое поведение некоторой части горожан, не желавших работать по принуждению.

Аналогичные явления имели место и при проведении призывов подростков и молодых людей в РУ и школы ФЗО сибирского тыла. В феврале 1943 г. в ходе мобилизации инструктор Новосибирского горкома ВЛКСМ Шкицкий отмечал массовое уклонение молодежи от набора в учебные заведения трудрезервов. «В школах почти нет фактов добровольного желания пойти в ремесленное училище. Если уж учащийся подпишется в получении справки, то он это делает, весь заливаясь слезами, с большой мукой на лице, как будто совершает странное самопожертвование»³. Это описание поведения школьников при зачислении в учебные заведения гострудрезервов свидетельствует о существовавшем противоречии между их личной мотивацией и принудительным характером трудовой мобилизации. Уклонение от призыва часто поощрялось родителями, стремившимися «придержать» своих детей до его завершения. В то же время вынужденное поступление подростков в РУ и школы ФЗО в перспективе обуславливало безразличное или негативное отношение к работе в военно-промышленном производстве и вело к их «дезертирству» вопреки угрозе уголовного наказания.

Неэффективность прямых карательных мер в плане стимулирования трудовой активности неработающих горожан, в том числе юношей и девушек,ставляла государство расширять набор административных средств, принуждавших их к поступлению на предприятия. В конце 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об обязательной регистрации неработающего городского населения», согласно которому не зарегистрировавшиеся по уважительным причинам граждане от 16 лет и старше лишались возможности получать продуктовые карточки⁴. В экстремальных условиях повседневной жизни сибирского тыла отсутствие доступа к нормированному продовольственному обеспечению было ощутимым наказанием за сознательное иждивенчество,

¹ ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 710. Л. 37–39.

² Там же.

³ ГАНО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 291. Л. 3.

⁴ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 122. Д. 48. Л. 171.

которое давало определенный эффект. Например, с 15 марта 1944 по 20 февраля 1945 г. в Новосибирске численность молодежи 16–17 лет, не занятой в народном хозяйстве, сократилась с 2 650 до 1 868 чел.¹ Вероятно, ее уменьшение было вызвано поступлением нескольких сотен юношей и девушек на производство под влиянием указанного правительственного постановления.

В последние годы войны наряду с административным воздействием для мотивирования молодежи к производственному обучению и индустриальному труду партийные и комсомольские организации Сибири продолжали использовать информационно-пропагандистские методы. Например, в октябре 1944 г. комсомольцы г. Кемерово провели родительские собрания для разъяснения целей и задач, перспективности профессиональной подготовки юношей и девушек в ремесленных училищах и школах ФЗО. Одним из способов побуждения мобилизованных подростков к обучению являлись комсомольско-молодежные вечера, создававшие условия для их общения с воспитанниками учебных заведений трудрезервов. Молодежь участвовала в экскурсиях по ознакомлению с системой технической подготовки рабочих в РУ и школах ФЗО, что в последствии позволяло ей быстрее адаптироваться к режиму учебно-производственной работы этих учебных заведений². Данный фактор играл существенную роль в создании у юношей и девушек интереса к освоению специальностей и квалификации и, как следствие, к производственной деятельности.

В годы Великой Отечественной войны вознаграждение, побуждение и принуждение как универсальные способы формирования мотивации к труду оказывали специфическое влияние на включение неработающей городской молодежи в сферу промышленного производства Сибири. В связи со стремительной инфляцией и значительным увеличением налогообложения денежное вознаграждение временно утратило свою роль в стимулировании притока юношей и девушек на заводы и фабрики. В то же время огромное значение для их выживания в повседневной среде сибирских городов военного времени приобрела система натурального поощрения работников предприятий. Данная форма вознаграждения привлекала в промышленность как молодых людей, так и другие категории незанятых горожан, стремившихся получить доступ к минимальному материально-бытовому обеспечению.

Не менее действенным механизмом, мотивировавшим добровольное включение юношей и девушек в производственные коллективы промышленных предприятий сибирского тыла, являлось побуждение к трудовой активности. Его моральной основой служила реакция молодых горожан на начало войны, их переживания от осознания возможной потери близких родственников на фронте. Данные настроения активно использовались партийными и комсомольскими организациями для усиления потенциала пропаганды производственной деятельности. В совокупности стихийное и организованное моральное

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1000. Л. 15; Д. 1184. Л. 11.

² ГАКО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.

воздействие на неработающее городское население, в частности молодое поколение, способствовало формированию у него побудительной мотивации к индустриальному труду.

В военных условиях наиболее противоречивым способом повышения заинтересованности молодых горожан в поступлении на заводы и фабрики Сибири являлось принуждение к работе на производстве. Оно было связано с действием законодательства о трудовой мобилизации незанятого населения в ведущие отрасли народного хозяйства, декларировавшего административное и уголовное преследование в отношении его нарушителей. Очевидно, что угроза наказания играла большую роль в массовом привлечении городской молодежи на предприятия и в учебные заведения трудрезервов. Вместе с тем нередко она приводила к формированию у юношей и девушек (как и других категорий мобилизованного населения) вынужденной мотивации к самостоятельному трудоустройству или вовсе не препятствовала их прямому уклонению от призыва. По этим причинам мобилизация подростков и молодых людей в учебные заведения трудрезервов часто сопровождалась агитационной работой, побуждавшей ее к профессиональному обучению и дальнейшей работе в сфере промышленного производства.

Таким образом, в годы войны формирование мотивации городской молодежи к трудоустройству в промышленности Сибири, как и всех неработающих жителей городов региона, зависело, прежде всего, от совокупности внеэкономических факторов: натуральных форм материального поощрения рабочих (вознаграждение), собственных настроений и партийно-комсомольской пропаганды (побуждение), административного воздействия государства на потенциального работника (принуждение). В целом данные условия повсеместно оказывали влияние на трудовое поведение юношей и девушек, проживавших в неоккупированных районах СССР. В то же время Сибирь оставалась типичным тыловым регионом, что способствовало относительно слабому психологическому воздействию прямой военной угрозы на основную массу его незанятого населения, в частности подростков и молодых людей.